

Двадцать шестой год эры Шэньюнь. Император Яньцзинь всё ещё на троне, Ху Хунфэн ещё не погиб в мятеже, и, что самое важное, шестнадцатый день месяца гаююэ. Хэлянь Чуньфэн чётко помнил этот день — это был второй день после того, как он привёз Хуа Байсу в лагерь Цанчуань.

Хуа Байсу...

Простое упоминание этого имени в его сознании заставило Хэлянь Чуньфэна почувствовать, будто что-то внутри него готово вырваться наружу. Он прижал руку к груди, как делал это в те триста с лишним дней и ночей, и боль почти лишила его дыхания.

Сейчас, пройдя через смерть несколько раз, он всё ещё не понимал, почему Хуа Байсу, которого он так плохо обращал, и даже незадолго до мятежа намеренно сказал, что собирается жениться, чтобы досадить ему, всё же влюбился в него и в конце концов пожертвовал собой, чтобы защитить его.

— Второй принц, — охранник у водной тюрьмы прервал мысли Хэлянь Чуньфэна.

— Тот человек из Жаньин находится в водной тюрьме? — Хэлянь Чуньфэн изо всех сил пытался вспомнить, каким он был два года назад, затем добавил:

— Пойдёмте со мной, посмотрим.

— Слушаюсь.

Несколько солдат отдали честь, оставив двоих на посту, а остальные последовали за Хэлянь Чуньфэном в водную тюрьму.

Водная тюрьма в лагере Цанчуань была вырыта под землёй и использовалась для заключения предателей или пленных. Условия там были ужасающими. Едва спустившись по ступеням, уже можно было почувствовать исходящий оттуда смрад.

На дне тюрьмы находился огромный бассейн с грязной водой, которая доходила до колен. В воде стояли десятки железных столбов, и, помимо Хуа Байсу, к ним были прикованы ещё несколько заключённых.

Хуа Байсу был прикован к одному из столбов. Он опустил голову, но, услышав шаги, поднял взгляд и встретился глазами с Хэлянь Чуньфэном, в которых читалась сложная смесь эмоций.

— Ваше Высочество, вы бы не появились здесь из-за угрызений совести, чтобы проявить заботу, не так ли? — Хуа Байсу мигнул, улыбаясь с лёгкостью. — Раз уж пришли, стоять там неинтересно. Может, спуститесь и попробуйте водную тюрьму Цанчуань?

Хэлянь Чуньфэн только смотрел на него, не говоря ни слова. Под этой дерзкой улыбкой Хуа Байсу солдаты Цанчуань, стоявшие позади, с некоторым страхом крикнули:

— Наглец! Ты, житель Жаньин, совсем потерял страх? Как ты смеешь так неуважительно обращаться ко второму принцу?

— Ха, чего бояться? Решение о моей смерти зависит не от моих слов, а от вашего принца. А ты, кричащий здесь, не боишься, что я... — Хуа Байсу не закончил фразу, только пристально посмотрел на солдата, и тот почувствовал, как холод поднимается от ног, и невольно отступил на шаг.

— Снимите с него оковы, — в этот момент заговорил Хэлянь Чуньфэн.

Его слова удивили не только охранников Цанчуань, но и самого Хуа Байсу, который слегка приподнял бровь. Но приказ Хэлянь Чуньфэна нельзя было игнорировать, и охранники быстро принесли ключи, вошли в воду и сняли кандалы с рук и ног Хуа Байсу.

Хуа Байсу был далёк от того спокойствия, которое он демонстрировал. Пока он был прикован к столбу, всё было терпимо, но, как только оковы сняли, он начал шататься. Через несколько мгновений он едва смог устоять на ногах, сделал пару шагов и всё же упал на бок.

Солдаты Цанчуань не успели среагировать, как Хэлянь Чуньфэн внезапно прыгнул вперёд и, прежде чем Хуа Байсу упал в воду, крепко обнял его.

Он, казалось, совершенно не обращал внимания на то, что одежда Хуа Байсу была пропитана грязной водой, оттолкнулся от столба и в мгновение ока вернулся на прежнее место.

— Благодарю, Ваше Высочество, — Хуа Байсу спокойно лежал в его объятиях, даже зевнул, а затем, встретившись взглядом с Хэлянь Чуньфэном, добавил:

— Я не могу идти. Ваше Высочество, будьте добры, вынесите меня?

Хэлянь Чуньфэн не ответил, но под общим изумлённым взглядом вынес Хуа Байсу из водной тюрьмы.

Поднявшись на последнюю ступеньку, он оказался под ярким солнечным светом. Хуа Байсу, не привыкший к такому свету, прикрыл глаза рукой. Хэлянь Чуньфэн заметил красные следы на его запястьях и слегка замедлил шаг. Он чётко помнил, как в прошлой жизни раны от цепей, не обработанные вовремя, загноились и сгнили в грязной воде, и шрамы от них оставались на теле Хуа Байсу до самой его смерти.

Когда Хуа Байсу опустил руку, Хэлянь Чуньфэн ещё не успел опомниться, и в тот момент Хуа Байсу уловил на его лице что-то, похожее на боль. Но прежде чем он успел это осознать, лицо Хэлянь Чуньфэна снова стало бесстрастным, и он приказал одному из людей позади:

— Приготовьте ванну в моём шатре.

Человек, получивший приказ, быстро ушёл. Хуа Байсу потёр глаза и с некоторым недоверием спросил:

— Ваше Высочество, вы снова отравились каким-то редким ядом и хотите моей помощи? Или, может, армия Жаньин напала? Или, может, вас вселил какой-то злой дух?

Хэлянь Чуньфэн смотрел на Хуа Байсу, чувствуя, что тот одновременно знаком и чужд. По сравнению с тем Хуа Байсу, которого он помнил как супруга Хуа, этот Хуа Байсу говорил меньше язвительных и холодных слов, но при этом был более свободным и отстранённым.

Хэлянь Чуньфэн невольно усмехнулся в душе. Его нынешнее поведение, вероятно, было более странным, чем если бы его действительно вселил злой дух.

Он не стал отвечать на вопрос, просто снова отнёс Хуа Байсу в свой шатёр.

Сегодня утром Хуа Байсу был выведен отсюда и помещён в тюрьму. Кто бы мог подумать, что всего через несколько часов он снова окажется здесь, да ещё и будет принесён самим Хэлянь

Чуньфэном.

Горячая вода была быстро доставлена, и Хэлянь Чуньфэн отпустил нескольких солдат, которые хотели остаться и помочь, быстро снял с них обоих пропитанную грязью одежду и вместе с Хуа Байсу сел в деревянную бочку.

Они уже были ближе, чем сейчас, поэтому Хуа Байсу позволил Хэлянь Чуньфэну помыть его. В тёплой воде его мысли становились всё яснее, и он начал тщательно анализировать всё, что произошло за последние два дня.

К сожалению, даже когда его вынесли из бочки и уложили на кровать, он так и не смог разобраться в происходящем. В шатре, наполненном паром, фигура Хэлянь Чуньфэна и его внезапно изменившееся поведение казались Хуа Байсу туманными.

Приказав унести бочку, Хэлянь Чуньфэн сам покинул шатёр. Хуа Байсу слушал удаляющиеся шаги, медленно закрывая глаза.

Всю ночь его трепали, а затем он провёл утро в водной тюрьме, и теперь каждая часть его тела кричала о усталости, но, к своему удивлению, он совсем не хотел спать.

Примерно через полчаса мужчина вернулся, подошёл к кровати, и Хуа Байсу, не открывая глаз, вскоре почувствовал, как тонкое одеяло было снято, а что-то холодное коснулось его лодыжек, затем запястий.

Только спустя некоторое время Хуа Байсу понял, что Хэлянь Чуньфэн обрабатывал его раны. Неудивительно, что он не сразу сообразил: как он мог ожидать, что Хэлянь Чуньфэн заметит такие мелкие повреждения на его теле, да ещё и будет действовать так осторожно, словно боясь причинить боль, что было полной противоположностью его поведению прошлой ночью.

На самом деле Хэлянь Чуньфэн тоже знал, что Хуа Байсу не спит, но не спешил говорить. Его глаза жадно скользили по телу мужчины.

С первого взгляда он знал, что Хуа Байсу невероятно красив: глубокие глаза-фениксы, высокий нос, загорелая кожа от долгих лет сбора трав в дикой природе и идеально сложенное мускулистое тело. Но при более близком знакомстве становилось ясно, что этот человек обладал гораздо большим, чем просто привлекательной внешностью...

Но, возможно, это действительно было слепотой: только после смерти Хуа Байсу он понял, что если бы он действительно был недоволен тем, как Хуа Байсу с ним обращался, он мог бы просто убить его. Даже если бы одной жизни было недостаточно, существовали тысячи способов заставить его страдать. Но вместо этого он выбрал самый опасный и наименее полезный путь: держать его во дворце, спать с ним каждую ночь.

Проклиная себя за свою глупость, Хэлянь Чуньфэн закончил обрабатывать раны Хуа Байсу и уже собирался убрать руку, когда внезапно остановился. Не обращая внимания на то, что тот притворялся спящим, он спросил:

— Ты простудился?

Кожа под его пальцами была горячее, чем обычно. Хэлянь Чуньфэн, беспокоясь, мысленно ругал себя за невнимательность: как он мог не заметить этого раньше?

— Не простуда, — Хуа Байсу, казалось, не придавал этому большого значения. Сказав это, он

не стал продолжать объяснять.

Хэлянь Чуньфэн тут же повернулся, чтобы позвать военного врача, но Хуа Байсу открыл глаза и остановил его. На этот раз, не дожидаясь вопроса, он сам заговорил:

— Ты хочешь, чтобы все знали, что их второй принц делал прошлой ночью в лагере?

<http://bllate.org/book/16924/1558324>